

Г. А. ТАЛИАШВИЛИ, В. С. ШАДУРИ

ЛОМОНОСОВ И ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ломоносов в Грузии никогда не был; единственным литературным произведением Ломоносова, в котором упоминается Кавказ, является ода 1748 г. В ней Россия

Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет
Возлегли лактем на Кавкас.¹

Однако из исторических трудов великого ученого видно, что он имел определенное представление о Грузии и о ее прошлом.

Работая над древнерусскими летописными сводами, Ломоносов знакомился с историческими документами о русско-грузинских связях, о тех политических и дипломатических переговорах, которые велись в Москве посланниками грузинских царей.

В «Кратком Российском летописце», излагая в популярной форме историю России с указанием важнейших исторических событий, он обращает внимание читателя на один из фактов истории русско-грузинских дипломатических сношений. В главе «Федор Иванович» Ломоносов отмечает, что при этом правителе в конце XVI в. «грузинские цари, горские и другие князья отдали себя в покровительство государю».² Здесь Ломоносов имеет в виду исторический факт, имеющий для Грузии важное значение.

Как известно, в 1584 г. на престол взошел сын Ивана Грозного Федор. При нем в Грузию направляется гонец Данилов, которому поручается «проведывать дороги в грузинские земли», посетить кахетинского царя Александра II Левановича и дать ему обещание покровительства и помощи со стороны России. Александр II с большой радостью согласился возобновить дружеские сношения, временно прерванные войной России с европейскими государствами, и, в свою очередь, направил в Москву послов. Грузинские послы прибыли в Россию в октябре 1586 г. Они от имени

¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 222.

² Там же, т. 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 328.

Александра II поблагодарили русского царя Федора Ивановича и попросили у него защиты от «агарян».³

Интересно отметить, что на эти факты обратил внимание также Н. М. Карамзин, который подробно рассказывает о них в своей «Истории государства Российского».

Но в замечании Ломоносова речь идет не только об одном грузинском царе, но и о «царях, горских и других князьях». Судя по всему, Ломоносов имеет в виду также переговоры карталинского, имеретинского и других царей грузинских земель с Москвой в XVI—XVII вв.

Исторические труды Ломоносова показывают, что ему кое-что было известно также о древнейших грузинских племенах.

В своей «Древней российской истории» Ломоносов обосновал свою концепцию происхождения славянского народа. По мнению великого ученого, славянские народы, сыгравшие большую роль в общеевропейской истории, имеют глубокую древность.

Далее Ломоносов, говоря о москах (предках грузин), заключает: «Итак, утверждать о том опасаясь, затем больше, что в Страбоне противное сему примечаю: „Мосхиния, — пишет он, — разделена на три части: одну колхи, вторую иверы, третью армяне имеют“ — народы, от славян весьма отменные. В наших летописях до начала Москвы не находим по российским областям подобного имени; и у Нестора при исчислении славенских поколений о москах глубокое молчание. Великий перерыв времени, в кое о москах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве москов и славян московских без довольного свидетельства».⁴

Из этого рассуждения Ломоносова видно, что в науке существовало тогда мнение о единоплеменстве москов и славян, т. е. предков русского и грузинского народов, но Ломоносов, не имея никаких подтверждающих это мнение документов, не разделяет его. По мнению великого ученого, славянские народы и мосхи — древние соседи, но не однородные племена.

Осведомленность Ломоносова в истории Грузии видна также в «Примечаниях на рукопись Вольтера». Известно, что по заданию русского правительства Вольтер составлял историю Петра Великого. Когда рукопись была прислана в Петербургскую Академию, она была передана на рассмотрение Ломоносову. К рукописи Вольтера Ломоносов сделал критические замечания, добавил новые факты и послал ему весь этот материал. Известно, что Вольтер использовал в своем труде эти замечания Ломоносова.

В труде Вольтера Ломоносов исправил многочисленные ошибки и неточности. Так, в VI главе, на 35-й странице французского текста грузинский царевич был принят за армянского. Это

³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М., 1889, стр. 12

⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 181.

сразу же было замечено Ломоносовым. «Prince d'Arménie. Я отроду не слышал, — писал Ломоносов, — чтобы где был принц армянский. Разве грузинский».⁵ Впоследствии Вольтер исправил эту ошибку. Ломоносов имел в виду царевича Александра Арчиловича Багратиони, который с 10-летнего возраста рос в Москве, при дворе Алексея Михайловича.

Первым из грузинских деятелей, испытавших известное влияние научно-философских и литературных взглядов Ломоносова, был Антон (Теймураз) Багратиони.

А. Багратиони был тесно связан с Россией не только своими идеями, но и церковной и государственной деятельностью.

В 24-летнем возрасте его избрали католикосом грузинской церкви, и с этого времени он становится влиятельным руководителем не только духовной, но и политической жизни Грузии. В 40—50-х годах XVIII в. молодой Антон развернул в Грузии бурную церковно-государственную и культурную деятельность. Всеми средствами он пытался установить централизованную государственную власть во главе с царем Ираклием II, восстановить очаги древнегрузинской культуры, разрушенной турецко-персидскими нашествиями. Антон хорошо понимал трагическое положение своей родины. Он ясно видел, что над маленькой страной постоянно висела угроза со стороны окружавших ее султанской Турции и шахской Персии. Единственной страной, от которой можно было ожидать защиты, была могучая Россия.

В 1756 г. Антон поехал в Россию. С этого времени начинается в его церковной и светской деятельности новый период. В Петербурге Синод направил его архиепископом во Владимирскую епархию. Из-за плохого знания русского языка при нем были назначены переводчики.

В России Антон Багратиони заготовил много книг и учебников для грузинских школ. Труды его в научной и педагогической области весьма разнообразны. С русского языка на грузинский он перевел 50 псалмов с толкованиями, этику, метафизику и логику Баумейстера, физику Вольфа и др.

В 1756 г. царь Кахетии Ираклий II писал Антону Багратиони: «Я не могу без тебя обойтись». Действительно, как только умер царь Теймураз II и Ираклий II присоединил Карталинию, Антон Багратиони был вызван в Грузию.

Ираклий II возвращает ему сан католикоса, и Антон I становится его ближайшим соратником.

Своей многосторонней деятельностью Антон католикос напоминает Феофана Прокоповича. Грузинский деятель в политической, церковной и культурной жизни своей родины сыграл примерно такую же роль, как в России Прокопович в эпоху Петра I.

Антон Багратиони — последователь грузинской классической

⁵ Там же, стр. 95.

философии. Его философская система зародилась на грузинской почве еще до отъезда в Россию. Но вместе с тем материалистические труды Ломоносова оказали на него благотворное влияние, помогли ему преодолеть средневековое догматическое мировоззрение.

Именно после ознакомления с материалистическими исследованиями Ломоносова Антон Багратиони освобождается от догматических основ аристотелевского учения. Примечательно, что в одном из своих писем из России А. Багратиони называет Аристотеля «старым схоластом».⁶

Под воздействием трудов Ломоносова и других ученых Академии наук расширился кругозор Антона Багратиони. Если до отъезда в Россию сфера его деятельности ограничивалась богословием, философией и литературой, то в России у него возник огромный интерес к таким наукам, как физика, химия, математика, естествознание и др.

Как известно, в 1746 г. Ломоносов перевел на русский язык экспериментальную физику Хр. Вольфа. Немного позже — в 1760 г. ученик Ломоносова Б. Волков перевел теоретическую физику того же автора.

А. Багратиони, ознакомившись во время пребывания в России с этими переводами, в свою очередь перевел на грузинский язык теоретическую физику Вольфа. Подобно Ломоносову, Багратиони снабдил свой перевод обширными комментариями (их — 246), представляющими собой оригинальный научно-философский труд. В них грузинский переводчик пытается дополнить текст оригинала своими собственными научными суждениями, критикует некоторые положения Вольфа, отбрасывает устаревшие идеи, выдвигая более свежие, основанные на новейших данных науки. При этом в своих комментариях он обнаруживает знание ломоносовского перевода экспериментальной физики и комментариев к нему.

Излагая свои научно-философские взгляды, А. Багратиони для большей убедительности иногда ссылается на Ломоносова, как на самый большой авторитет. «Если не верите, — обращается к читателю Антон Багратиони, — прочтите экспериментальную физику Ломоносова».⁷

Следует отметить также, что А. Багратиони в критике идеалистической теории о тепле основывается на известной теории о тепле и стуже Ломоносова. Он доказывает несостоятельность теории Вольфа и вслед за Ломоносовым утверждает, что тепло является результатом движения частиц, находящихся в вечном

⁶ См.: Г. М. Каландаришвили. Очерки по истории логики в Грузии. Госиздат Груз. ССР, Тбилиси, 1955, стр. 101.

⁷ См.: В. Паркадзе. М. В. Ломоносов. Тбилиси, 1961, стр. 89 (на груз. яз.).

движении. Вопреки Вольфу Багратиони по-ломоносовски придает совершенно реальное содержание эфиру.⁸

Как ни странно, Антон Багратиони, принадлежавший к высшему духовенству, нередко разделяя некоторые атеистические взгляды Ломоносова. Правда, не так резко, как Ломоносов, но и он иногда нападал на противников просвещения и науки, называя их невеждами. Землю он представлял в форме яйца и, как Ломоносов, доказывал возможность существования жизни на других планетах.

Антон Багратиони составил грамматику грузинского языка еще до отъезда в Россию, но, ознакомившись с русской, латинской и в какой-то мере с западноевропейской грамматической литературой, он счел необходимым составить совершенно новую оригинальную грамматику.

«Еще в бытность нашу в России спрашивал я знатоков греческого, латинского, французского, итальянского, немецкого и русского языков об употреблении частей речи и принадлежностей их в упомянутых языках, и они мне сообщили, отчего ум мой еще больше вник в это искусство».⁹

Грамматика Антона Багратиони 1757 г. является вполне самостоятельным и сугубо оригинальным трудом. Она отличается от всех грамматических трудов того времени как по своему построению и оригинальному изложению, так и по основным грамматическим принципам и концепциям.

Но Антон Багратиони, интенсивно занимавшийся в России вопросами языкознания и практически изучавший русский язык, не мог пройти мимо «Российской грамматики» Ломоносова. Ни грамматика Зизания, являющаяся по существу грамматикой церковнославянского языка и разговорно-украинского, ни грамматика Смотрицкого или Адодурова и другие не могли заинтересовать Антона Багратиони, ибо все они мало отличались от греческих и латинских образцов. «Российская грамматика» Ломоносова была первой научной грамматикой русского языка.

Нельзя придавать особого значения тому, что в предисловии к грамматике Антона Багратиони нет указания на использование «Российской грамматики» Ломоносова. Не имеет в данном случае существенного значения и то, что они сильно отличаются друг от друга по своим основным лингвистическим принципам и структуре. Важнее для нас то, что имеется некоторое сходство грамматических взглядов Ломоносова и Антона Багратиони.

По Ломоносову, «Общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская

⁸ См.: там же, стр. 89—90.

⁹ Антон И. Грузинская грамматика. Тбилиси, 1885, стр. 2 (на груз. яз.). (При переводе цитат пользуемся книгой А. Цагарели: О грамматической литературе грузинского языка. СПб., 1873).

грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению».¹⁰

Примерно таким же образом определяет задачу грамматики Антон Багратиони. В параграфе 153 своей работы он пишет: «Все наши действия и настоящий труд имеют целью без препятствий и заблуждений вести вас к дверям мудрости, между тем философы называют предлагаемую книгу искусства, т. е. грамматику, дверью мудрости, так как грамматика есть возможность правильно говорить и писать».¹¹

Здесь следует обратить внимание на следующие существенные обстоятельства. 1) Ломоносов и Антон Багратиони оба одинаково с философской точки зрения подходят к определению грамматики. 2) Для обоих грамматика есть наука правильно писать и говорить и 3) оба они считают, что грамматика нужна всем наукам. По Антону, она ведет всех к дверям мудрости, а по Ломоносову — «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».¹² Такое же значение придавал Ломоносов грамматике немного раньше, до создания «Российской грамматики». «Логика после грамматики есть, — писал он в «Риторике», — первая предводительница ко всем наукам».¹³

Антон Багратиони еще до поездки в Россию перевел на грузинский язык «Риторику» Мхитара, а позже для тбилисской и телавской семинарий, по образцу русских книг, написал он учебники по грамматике, истории, философии и риторике.

Риторика, по определению Антона Багратиони, есть искусство выражать мысли в упорядоченной и улучшенной форме.

Примерно такое же определение имеется у Ломоносова. «Красноречие, — пишет Ломоносов, — есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению».¹⁴

В «Риторике», как и в «Грамматике», при определении некоторых общих понятий и категорий Антон Багратиони близок к Ломоносову и к другим европейским ученым, но что касается особенностей грузинского языка и стиля, то здесь он совершенно чужд иностранному влиянию и сугубо оригинален.

Благодаря усилиям Антона и его последователей теория трех стилей господствовала в Грузии почти целое столетие. Антон Багратиони, подобно Ломоносову, делит язык на три стиля: высокий, средний и низкий. О «высшей материи» (богословие, философия, науки) нужно было писать «высоким языком», для изло-

¹⁰ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, Изд. АН СССР, 1952, стр. 420.

¹¹ Антон I. Грузинская грамматика, стр. 1.

¹² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 392.

¹³ Там же, стр. 126.

¹⁴ Там же, стр. 91.

жения исторических событий требовался «средний язык», а обыкновенные бытовые вещи можно было рассказать простым языком, низким стилем.

В своей практической деятельности Антон руководствовался этими правилами.

По своей лексике «высокий язык» близок к древнегрузинскому, лучшим образцом которого был язык древнего грузинского философа И. Петрици. Таким языком пользовался А. Багратиони при создании почти всех своих научно-философских и богословских произведений.

Теория трех стилей, возникшая в античную эпоху, была довольно популярной и в средние века.

Но вспомним, что первый том сочинений Ломоносова с «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке» вышел как раз к моменту начала деятельности Антона Багратиони в России.

Грузинский деятель, усиленно занимавшийся проблематикой грузинского литературного языка, должен был заинтересоваться новым оригинальным и интересным трудом великого русского ученого. Правда, Антон Багратиони нигде не ссылается на ломоносовский труд, но в предисловии к своей грамматике он ясно говорит об изменении своих грамматических взглядов в результате ознакомления с новейшими трудами русских и европейских ученых.

Действительно, трудно найти в грамматической и риторической литературе того времени другое произведение, которое лучше ломоносовского отвечало бы на те вопросы языка и литературы, которые волновали тогда Антона Багратиони.

Теория трех стилей больше всего оказала влияние на научно-философскую и церковную литературу. Правда, имеются и художественные произведения второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., в которых чувствуется такое влияние, но, с точки зрения истории литературного языка, их следует считать отклонением от магистральной линии развития грузинской художественной литературы и нового литературного языка.

В грузинской художественной литературе XVIII в. развивались в основном такие жанры, которые в силу своего характера не могли воспринять высокий архаический стиль Антона Багратиони. Грузинские писатели того времени редко писали хвалебные оды и трагедии. А если и есть кое-какие попытки в этой области, то это слабые отголоски русского и западноевропейского классицизма. Таковы, например, некоторые оригинальные и переводные трагедии Д. Чолокашвили, Г. А. Авалишвили и хвалебные панегирические стихи М. Батонишвили, С. Леонидзе и др.

Теория трех стилей имела своих последователей и противников. В конце XVIII в. против нее выступали Д. Батонишвили и другие, но она все же продержалась вплоть до 60-х годов

XIX в. Даже в 50—60-х годах в грузинском журнале «Цискари» печатались материалы, написанные в зависимости от жанра то высоким, то средним или низким стилем.¹⁵

В 60-х годах XIX в. глава грузинских шестидесятников И. Чавчавадзе выступил за очищение грузинского литературного языка от архаизмов. В борьбе между архаистами и новаторами победили новаторы. В грузинской литературе утвердился новый литературный язык.

Старший сын последнего грузинского царя Георгия XII Давид Батонишвили (1766—1819) испытал большое влияние русских и французских просветителей. Как наследник царя он получил блестящее образование сначала в Грузии, а затем в Петербурге.

В России царевич Давид изучил артиллерийское дело и еще лучше ознакомился с идеями русских и европейских просветителей. Он вел разностороннюю научную и литературную деятельность, работал в области философии, истории, художественной литературы, лингвистики, эстетики, химии, метеорологии, анатомии, физики.

Кроме того, Д. Батонишвили, свободно владевший грузинским, русским, латинским, греческим, английским, французским и немецким языками, переводил с иностранных языков на грузинский ряд научных и художественных произведений.

Из научных трудов Д. Батонишвили особый интерес представляет «Краткая физика», в которой обнаруживаются глубокие познания автора в области физики, естествознания и философии, а также основательное знакомство с трудами Ломоносова.

В «Краткой физике» грузинский ученый предстает перед нами как блестящий философ и ученый, поборник идей русских и французских просветителей.

Предметы рассматриваются грузинским философом в непрерывном движении и изменении. По его мнению, вся вселенная была бы мертва без движения. Причем Д. Батонишвили различает разнообразные формы движения.

Как известно, Ломоносов при издании «Экспериментальной физики» снабдил русский перевод большим предисловием, содержащим много комментариев и собственных оригинальных научных высказываний.

В «добавлениях» Ломоносов поднимает множество научных и философских проблем и совершенно оригинально разрешает их. Причем некоторые высказывания переводчика направлены против идеалистической концепции автора оригинала. Д. Батонишвили, принимая участие в этой «полемике», всегда занимает позицию переводчика. Так, Д. Батонишвили отклонил вольфианское определение и точно передает на грузинский язык ломоносовское опре-

¹⁵ А. Чикобава. Общая характеристика грузинского языка. — В кн.: Толковый словарь грузинского языка, т. I. Тбилиси, 1950, стр. 022—023.

деление теплоты: «Теплота, — пишет он, — производится от огня, а огонь от движения».¹⁶

Грузинский ученый одним из первых стал разделять теорию Ломоносова о теплоте. В своей «Краткой физике», во многих параграфах (59, 68, 79, 75, 97 и др.), Д. Батонишвили знакомит грузинского читателя с кинетической теорией Ломоносова, хотя, как справедливо замечает исследователь В. Паркадзе, временами он от нее отходит.

В «Краткой физике», когда Д. Батонишвили хочет подкрепить свою мысль мнением крупного авторитетного ученого, он называет Ломоносова.

Во второй части своего труда, в 41-м параграфе, заканчивая рассуждения о свойствах воздуха, Батонишвили прямо ссылается на Ломоносова.¹⁷

Материалистическое мировоззрение грузинского ученого ярче всего проявляется в вопросах гносеологии. Подобно Ломоносову, Д. Батонишвили решающую роль в познании окружающей действительности придает ощущениям, эксперименту, опыту.

Д. Батонишвили является последователем атомистической теории Ломоносова, считая, что тело состоит из мельчайших атомов. Каждое новое тело, по трактовке грузинского ученого, — в природе рождается в результате соединений атомов и погибает в результате их разрушения. Но вследствие перемещения атомов не только возникают и исчезают в природе предметы, но изменяются и внутренние процессы. Именно с такой точки зрения рассматриваются в «Краткой физике» физические и химические процессы.

Большим поклонником Ломоносова был С. И. Додашвили (1805—1836), который кончил Петербургский университет в 1827 г. и на русском языке издал оригинальное исследование — «Курс философии, часть 1-я. Логика». Крупнейший философ, журналист, общественный деятель, он оставил глубокий след в истории грузинской философии и общественной мысли. Развитие грузинской литературы, журналистики и общественной мысли 20—30-х годов XIX в. связано с именем Додашвили.

Получив образование в России, он был высокого мнения о русской культуре и науке. В одном из своих писем к И. Хелашвили, перечисляя известных ему русских ученых, С. Додашвили называет «Ломоносова ... Карамзина и других выдающихся писателей, имена которых остались бессмертными».¹⁸ Петербургский университет для него является «местом высокой мудрости».¹⁹

¹⁶ Д. Батонишвили. Краткая физика. Вступительная статья и комментарии В. Паркадзе. Тбилиси, 1954, стр. 97 (на груз. яз.).

¹⁷ Там же, стр. 59.

¹⁸ Грузинские писатели о России. Составил В. С. Шадури. Тбилиси, 1962, стр. 352 (на груз. яз.).

¹⁹ Там же, стр. 73.

С. Додашвили — деятель 20—30-х годов XIX столетия, поэтому его философская концепция является более высокой степенью по сравнению с ломоносовской, но материалистические идеи великого русского ученого несомненно оказали влияние на формирование мировоззрения С. Додашвили.

В своей «Риторике» С. Додашвили обнаруживает блестящие знания древнегрузинской, западноевропейской и русской риторической литературы.

Упоминание в «Риторике» о Ломоносове как выдающемся риторе не является случайным, оно говорит о глубоких связях научно-философских идей С. Додашвили с Ломоносовым.

Грузинские ученые-филологи всегда высоко ценили филологическое наследие великого Ломоносова. Его «Российской грамматикой» они пользовались вплоть до 30—40-х годов XIX в.

Профессор А. А. Глонти в своем исследовании о словаре Н. Чубинишвили пишет, что выдающийся грузинский ученый-филолог начала XIX в. Н. Чубинишвили тоже с исключительным вниманием относился к филологическому наследию М. Ломоносова, что при составлении «Краткого начертания грузинской грамматики» он широко пользовался «Российской грамматикой» М. Ломоносова.²⁰

Деятели грузинской науки и культуры XVIII в. хорошо знали Ломоносова как поэта и ученого, знали его научно-философские труды и художественное творчество.

Первым переводчиком стихов Ломоносова на грузинский язык считают Давида Джимшеровича Чолокашвили (мдиванбега царя Ираклия II). Ему приписывают перевод ломоносовского «Переложения псалма 145» и «Оды, выбранной из Иова. Главы 38, 39, 40 и 41».

На самом деле, если переложение псалма можно считать переводом, то «Ода, выбранная из Иова», — почти оригинальное произведение Д. Чолокашвили, написанное под влиянием Ломоносова.

С особым уважением относились к литературному наследию Ломоносова грузинские деятели прошлого века.

Гениальный поэт Важа Пшавела, противопоставляя сторонникам «чистого искусства» великих русских писателей, писал, что начиная с Ломоносова русская литература служила народу.

«За примером, — писал грузинский поэт, — далеко не надо идти, — на глазах история русского искусства. Начиная с Ломоносова, русские писатели служат для удовлетворения потребностей жизни».²¹

²⁰ А. А. Глонти. Словарь грузинского языка Н. Чубинишвили. Тбилиси, 1961, стр. 25.

²¹ Важа Пшавела, Полн. собр. соч., т. VII, Тбилиси, 1956, стр. 381 (на груз. яз.).

Классик грузинской литературы А. Церетели называл выдающегося грузинского ученого-химика проф. В. Петриашвили грузинским Ломоносовым.²²

О жизни и творчестве Ломоносова написано немало очерков. В грузинском журнале «Нобати» в 1884 г. был напечатан художественный очерк Георгия Иоселиани под заглавием «Удивительный крестьянин». В очерке живым и ярким языком описаны детство, отрочество и юность Ломоносова.²³

Одним из фактов глубокого уважения передовой грузинской общественности к Ломоносову являются горячие ее отклики на юбилей великого сына русского народа. В 1911 г. в грузинских журналах и газетах было напечатано много статей о жизни и творчестве Ломоносова. По сообщению местных газет («Тифлисский листок», «Сахалхо газети» и др.), юбилейные вечера были проведены не только в Тбилиси и Кутаиси, но и в провинциальных городах Грузии.²⁴ Большое место освещению жизни и творчества Ломоносова уделили и грузинские детские журналы. В журналах «Джеджили» («Всходы») и «Накадули» («Ручеек») были напечатаны интересные очерки о жизни и деятельности Ломоносова.

Имя Ломоносова стало особенно популярным и близким для всего грузинского народа в советское время. В 1941 г. вышла книга И. Имнадзе «Михайло Ломоносов»; писательница И. Накашидзе выпустила хороший рассказ для детей о жизни и творчестве Ломоносова. В 1961 г. с большой любовью было отмечено грузинской общественностью 250-летие со дня рождения гениального русского ученого и писателя. Грузинскими советскими поэтами переведены стихи Ломоносова на грузинский язык, в литературных журналах напечатаны специальные исследования о творчестве Ломоносова; вышли монографии В. Паркадзе «Михайло Васильевич Ломоносов» и Г. Талиашвили «М. В. Ломоносов».

²² См.: С. Авалани. Из истории русско-грузинских культурных взаимоотношений. Тбилиси, 1955, стр. 153 (на груз. яз.).

²³ Журн. «Нобати» («Послание»), 1884, № 10, стр. 471.

²⁴ М. Гоцадзе. История грузинской журналистики. Тбилиси, 1954, стр. 186—187 (на груз. яз.).